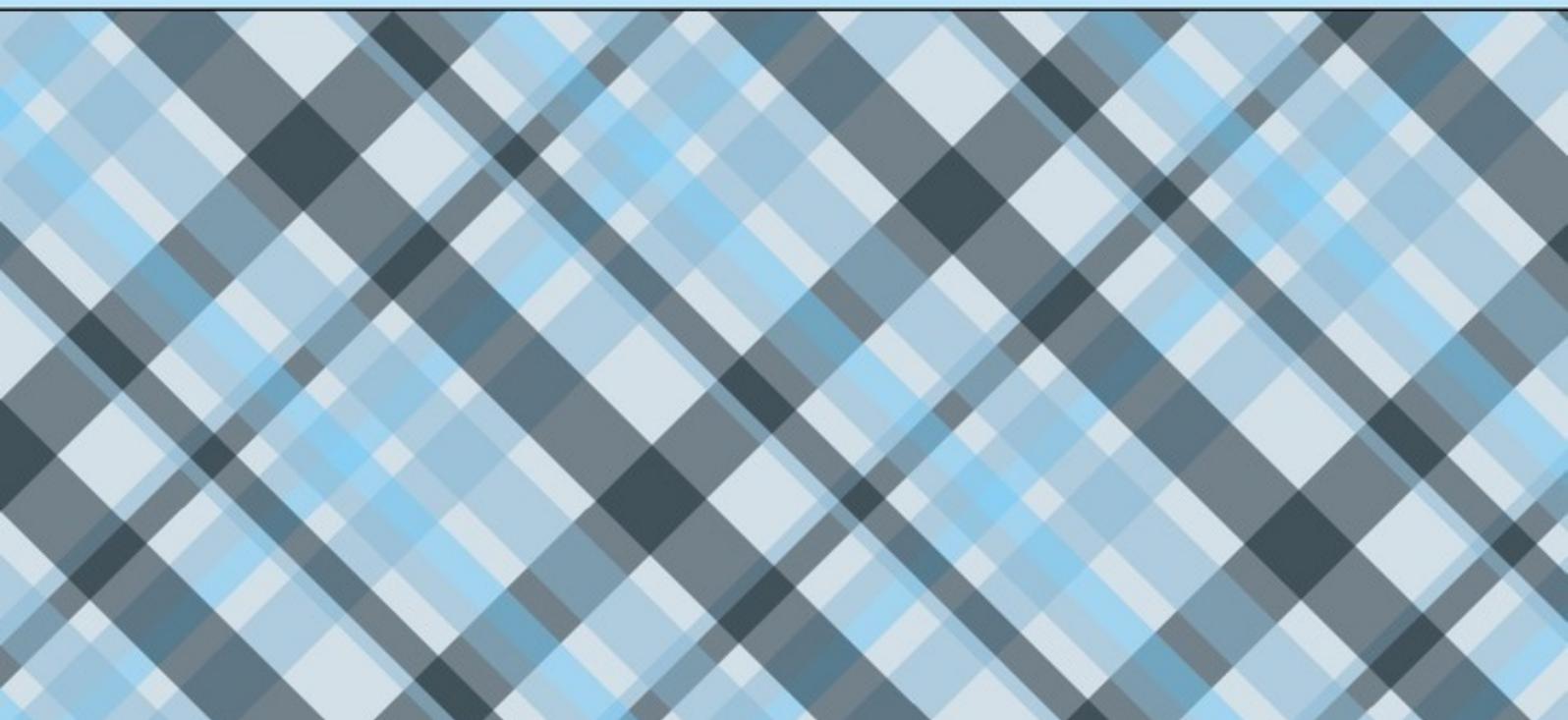

Ольга Крестьянинова

*Перекресток
с круговым
движением*

Современная проза

Ольга Крестьянинова

**Перекресток с круговым
движением. Современная проза**

«Издательские решения»

Крестьянинова О.

Перекресток с круговым движением. Современная проза /
О. Крестьянинова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830678-5

Эта книга — о любви и о судьбе. Действие начинается в семидесятые годы, когда главные герои были еще детьми, и переносится в наши дни. Красивая и вместе с тем очень реалистичная история держит читателя в напряжении до самой кульминации. Открыв эту книгу, вы вряд ли сможете ее закрыть, не дочитав до конца.

ISBN 978-5-44-830678-5

© Крестьянинова О.
© Издательские решения

Перекресток с круговым движением

Современная проза

Ольга Крестьянинова

© Ольга Крестьянинова, 2017

ISBN 978-5-4483-0678-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Почти у каждого из нас в далекой юности случилась первая любовь. И почти каждый из нас знает, что именно этому чувству, порой совершенно детскому и смешному, мы дольше всего храним верность. Нет, конечно, оно не мешает нам жить дальше, любить других..., просто оно не забывается. Все остальное стирается, тускнеет, теряет краски, а это – нет. Оно будоражит кровь, о нем приятно вспоминать даже спустя годы.

И представлять случайную встречу...

Мальчик и девочка познакомились в четвертом классе. Им было по десять лет. В силу обстоятельств, они оказались в далекой арабской стране, оторванные от привычной жизни в тогда еще Советском Союзе. Это было связано с работой родителей, которые выполняли очень ответственную миссию за рубежом. Мальчик и девочка ходили в школу при Советском Посольстве, где в каждом классе училось по три-четыре ученика. И жили в двухэтажном доме за высоким каменным забором. В этом доме жили еще несколько семей советских специалистов и в некоторых семьях тоже были дети, но все они были на несколько лет младше. А что такое несколько лет разницы, когда тебе всего десять? – Пропасть! Вот и получилось, что почти два года (пока длилась командировка родителей), мальчик и девочка общались практически только друг с другом. Ну как тут не возникнуть чувству? И оно возникло. Просто выражалось, как это обычно бывает в десять лет. Он дергал ее за волосы и прятал портфель. А она обижалась и обзывала его дураком.

Но однажды, он ради нее прошелся на руках по парапету крыши дома, в котором они жили. А она умирала от страха, глядя на это, но потом сказала, что он герой, хоть и дурак. А после они долго сидели рядом на той же крыше, глядя в звездное южное небо, пока мамы не загнали их спать.

А еще в их доме был огромный стенной шкаф. На самом деле, может он и не был таким уж огромным, но тогда казался невероятно большим. Шкаф находился в общем коридоре и в нем советские жены хранили ставшие временно не нужными шубы и пальто, в которых прилетели в жаркую экваторную страну из морозного Союза. В темном шкафу шубы образовывали таинственные лабиринты и среди них так здорово было прятаться! А еще в этом шкафу можно было посидеть вдвоем в полной темноте очень близко друг от друга и поговорить о чем-нибудь шепотом. Однажды он принес в шкаф свечку. Это было так классно – сидеть в шкафу среди шуб при колеблющемся свете свечи, почти касаясь друг друга. И вот именно в этом шкафу он признался ей в любви. Он сказал примерно следующее: «Ты это, слышь, угадай, кто из девчонок в нашем классе мне нравится?». Надо сказать, что в их классе училось всего четыре ученика, трое из которых были мальчишки. Поэтому очень трудно было найти достойный ответ, но она все же нашла: «Дурак!» – фыркнула она и попыталась впопыхах стукнуть его. И тут они поцеловались. Случайно. Это был первый в их жизни поцелуй. Он не был долгий, который так любят показывать в кино. Так цело-

ваться они просто не умели. Поцелуй больше смахивал на тот, которым целуют их мамы перед сном. Но все же это был поцелуй! Первый поцелуй мальчика и девочки! А потом они шарахнулись друг от друга как испуганные коты. А потом... а потом дверь шкафа рывком открылась и их нашли. Взрослые. И был скандал. Тетя Элла истерично визжала, что они чуть не сожгли ее шубу и что могли спалить весь дом. Был отцовский ремень, угрожающе выдернутый из брюк, были крики мам и наказание в углу. И романтика первого поцелуя была безжалостно растоптана грубым взрослым вторжением. Но на этом ничего не закончилось. Дорога в шкаф теперь была заказана, так как его закрыли на ключ, но они быстренько нашли другой вариант: во дворе их дома был сарай, даже не сарай, а навес под крышей, вход в который был занавешен брезентом. Под этим навесом хранились канистры с бензином, автомобильные покрышки и всякий разный хлам. И вот там тоже так классно было сидеть со свечкой, спрятавшись от внешнего мира за бензиновыми канистрами и промасленной ветошью!

В общем, так продолжалось почти два года. Они не думали о том, что будет дальше, просто жили и радовались каждому дню. А потом он уехал на Родину, потому что командировка его отца заканчивалась на три месяца раньше. А она осталась. И потянулись длинные тоскливые будни. Они писали друг другу письма, которые раз в неделю доставлял из Москвы советский самолет. И считали дни до встречи. Три месяца – девяносто один день.. Девяносто... Восемьдесят девять... Восемьдесят восемь...

Тик-так... тик-так... Как медленно тянется время, когда ты молодой.

Тик-так... тик-так... Как медленно тянется время. Обычно так бывает в юности. Но с возрастом это ощущение пропадает и чем старше становится человек, тем быстрее тикают его часы. Я где-то читал про это, или слышал по телевизору. Не помню. Я вообще плохо помню события последнего времени. Хотя, если честно, в моей жизни не происходит вообще ничего, о чем стоило и хотелось бы вспоминать. Один день похож на другой, как две одинаковые капли. Я сижу в инвалидном кресле и смотрю в окно. Уже много лет я смотрю в одно и то же окно на одну и ту же картинку. Хотя нет, в картинке за окном, в отличие от моей жизни, за эти годы все же что-то поменялось. Сначала там был пустырь, потом его облагородили, построили детскую площадку, посадили деревья, посыпали гравием дорожки. Каждый день по утрам я смотрю из окна, как постепенно просыпается наш дом и на дорожках начинается «движуха». Первыми появляются собачники, за ними вылезают граждане в спортивных костюмах, которые видимо искренне верят в то, что бегая по дорожкам можно спастись от инсульта, еще спустя полчаса молодые мамы и папы выводят из подъездов и тащат в школы и садики своих упирающихся отпрысков. Потом служащие, потом пенсионеры. А вечером – все в обратном порядке. Тик-так... тик-так... Вырастают дети, меняются марки машин во дворе, меняются соседи. И только я – неизменная деталь в этом пейзаже.

Мне 48 лет. Моя жизнь закончилась в 12. И все время, что я существую на этом свете, можно условно поделить на две части: 12 лет жизни и 36 лет ожидания конца... Вы спросите, как такое может быть? Я бы ответил, я бы рассказал вам все, что случилось со мной в те счастливые 12, и все, что не случилось и уже никогда не произойдет. Но даже этого я не могу сделать, так как моя речь тоже осталась в той жизни. А в этой я могу лишь нечленораздельно мычать наполовину парализованной челюстью. В той жизни осталось все, что дано любому нормальному человеку: способность говорить, хулиганить, бегать и прыгать. В той жизни осталась первая и единственная любовь к смешной белобрысой девчонке из моего класса. В той жизни остался первый и единственный поцелуй. Другого у меня просто не было. Не успел. Наверно поэтому я до сих пор помню это странное ощущение тревоги и радости одновременно. До сих пор это событие – самое яркое в моей жизни, кроме, разумеется, того злополучного дня, когда под визг тормозов и лязг металла закончилась моя жизнь.

Тот день я помню смутно, какими-то обрывками. Помню дождь, мокрый асфальт, новенькую отцовскую «волгу», приобретенную им после возвращения из длительной заграничной командировки. Мы с отцом едем куда-то по пустому загородному шоссе, в салоне играет музыка, я лежу на заднем сидении и пытаюсь мысленно сосчитать сколько дней осталось до зимы.

В тот день утром я получил от нее письмо. Она писала, что ей грустно и не хватает наших посиделок со свечкой, что осталось 53 дня до возвращения в Советский Союз и что она соскучилась по снегу и очень хочет сходить на каток. Я валяюсь на заднем сидении и представляю, как мы пойдем на каток вместе и я покажу ей, как катаются настоящие мужчины. Один раз я уже поразил ее воображение, когда на руках прошелся по парапету крыши. Теперь у меня есть реальный шанс вырасти в ее глазах еще больше. Я так замечтался, что не понял, как машину занесло на мокром асфальте. Услышал только мат отца, не справившегося с управлением, грохот, удар... потом все. Темнота...

Следующие воспоминания относятся уже к другой жизни, в которой я – инвалид. У меня тяжелая травма головы, в результате которой отрафировалась челюсть, теперь изо рта постоянно течет слюна и приходится все время держать где-то поблизости полотенце. Мне тяжело двигаться, я не могу учиться в школе, я не могу общаться со сверстниками, я никогда не поступлю в институт и не пойду работать. А еще я никогда не узнаю, что значит быть с женщиной, я не узнаю запах женских волос и ощущение женских рук. И тот первый детский поцелуй останется для меня на всю жизнь единственным. Вот так...

Мне 48 лет, из них я жил всего 12. Остальные годы – убогое существование инвалида, в котором самое яркое событие – посещение поликлиники.

Первые лет десять после аварии я еще не вполне осознавал, что это на всю жизнь. Вопреки прогнозам врачей в душе жила смутная надежда на чудо, ну вдруг завтра изобретут какое-нибудь волшебное лекарство и в один прекрасный день я проснусь здоровым. Мда... «надежды юношей питают», с годами это проходит...

И все же первое время хоть какая-то жизнь у меня еще была. Во-первых, я мог сам ходить, что уже само по себе – большое счастье. Во-вторых, первые годы меня, хоть и редко, но все же навещали друзья. Теперь и этого нет. Друзья выросли, обзавелись семьями, работой, проблемами, разлетелись кто – куда. Да в конце концов просто про меня забыли. Нет, я не обижаюсь на них, я вообще давно разучился обижаться. Взрослая мужская дружба порой не выдерживает испытаний, что уж говорить про мальчишескую. И все-таки мне хочется рассказать про своих «друзей», мне нравится называть их так и приятно о них вспомнить.

Их было всего трое: Герка, Серега и Макс. Мы жили в одном дворе и в розовощеком детстве ходили в один детский сад. Потом пошли в одну школу и учились в одном классе. В 10 лет я уехал с родителями в заграничную командировку, в 12 – вернулся и опять оказался в своей школе, правда ненадолго. Уже через месяц произошла та злополучная авария, после которой я так и не вернулся к нормальной жизни.

Зато я очень хорошо помню возвращение в свой класс после двухлетнего отсутствия. Помню, как я появился в школе этаким заграничным мажором: в джинсах, в фирменной майке, карманы набиты жевачкой. Шел 1976 год. Для одноклассников, одетых в одинаковые школьные формы пошива фабрики «Большевичка», мое появление стало настоящим шоком. Помню деланно – пренебрежительные взгляды парней (в душе они конечно завидовали такому невиданному шику) и восхищенные взгляды девчонок, пытающихся всячески привлечь мое внимание. В общем, тот месяц стал для меня месяцем триумфа. Меня звали во все компании, моей дружбы добивались. И я, как это свойственно, глупым самовлюбленным подросткам, быстро поверил в свою исключительность. И всячески набивал себе цену.

Помню, как одна девочка (кстати одна из самых красивых в нашем классе) буквально напросилась в гости. Мы пришли ко мне домой после школы, предки были на работе, сестра к тому времени уже ходила в детский сад и никто нам не мешал. Вот только непонятно было что дальше делать? Девочка явно чего-то ждала от такого парня, как я. А я растерялся, заготовленного сценария у меня не было и в голову, как назло, ничего не приходило.

– Может ты предложишь мне чаю? – жеманно спросила начинающая кокетка.

– А, ну да. Щас поставлю чайник – я начал возится на кухне, пытаюсь чем-то заполнить неловкую паузу.

– А почему ты не рассказываешь, как там «в загранке»?

– Да нормально там. Жарко только очень

– Нет, ты расскажи, какие там магазины? Там что, и джинсы и жевачку прямо в любом магазине купить можно?

– Ну да. И кока-колу тоже.

– Ух ты! Даже не верится, что такое бывает. А что там еще продается?

Почему-то ее интересовали только магазины, но как раз про них мне рассказывать не хотелось, да и не видел я их толком. Джинсы и прочие «шмотки» покупала мама.

Опять повисла напряженная пауза. Мы молча пили чай, разговор не клеился.

– Ну расскажи что-нибудь еще. Как там одеваются?

И тут меня прорвало, сам не знаю почему. Может потому, что девчонка начала раздражать своим неприкрытым прагматизмом, а может просто никак не выходила из головы та, другая, с которой я целовался в темном шкафу, между чужих шуб, пересыпанных нафталином.

– Слушай, ну чего пристала? Не знаю я, как одеваются. Мне вообще по-фиг!

– Так уж и по-фиг! Было бы по-фиг, не ходил бы в джинсах, ходил бы как все, в форме.

– Далась тебе мои джинсы! Завидуешь что-ли?

– Ой-ой-ой, какие мы крутые! А вот скажи, кто из наших девчонок тебе нравится?

– Не знаю я. По-фиг мне девчонки.

– А вот не ври, так не бывает!

– Вот привязалась! Говорю – по-фиг!

– Ты что, мальчиков предпочитаешь? – ее глаза округлились в предвкушении того, как завтра она расскажет эту новость подружкам.

– Вот дура! У меня, если хочешь знать, девушка есть!

– Так уж и есть!

– Прикинь!

– Ну и где же она?

– Там, где тебе так хочется оказаться. В «загранке». Но скоро вернется!

– Так я тебе и поверила! Врешь ты все!

– А вот и не вру! Мы, если хочешь знать, уже целовались! И не только! – боже, что я несу? Она же завтра всем растреплет...

– Да ладно! Как не только? А что еще было? – в ее глазах загорелось любопытство кошки, увидевшей аквариум.

– Все было... – мне уже не остановиться, меня несет, хочется обломать ее по-взрослому.

– Да ладно! Что, и «ЭТО...»... было?

– Прикинь!

Уф, слово не воробей, завтра весь класс будет в курсе. Но пути назад уже нет. И я вдохновенно вру дальше.

Да уж, нет предела глупости подростков. На следующий день я понял, как должен чувствовать себя общепризнанный «мачо». В глазах парней появилась конкретная «уважуха».

А в движениях моих одноклассниц вдруг стала наблюдаться невиданная доселе грация. Проходя мимо меня, почти каждая из них начинала плавно покачивать бедрами и как-бы невзначай старалась ко мне прикоснуться.

А потом Макс, Серега и Герка приперли меня к стенке и потребовали подробностей. И мне ничего не оставалось делать, как придумывать эти самые подробности по ходу дела. Так мерзко я себя еще не чувствовал. Я врал парням о том, как «это» происходило, сам не имея ни малейшего представления о том, как это бывает. Я врал и чувствовал себя предателем. Я, как-будто бы топтал ногами что-то хрупкое, светлое, то к чему нельзя прикасаться грязными руками. Но ничего не мог с собой поделать и продолжал сочинять дальше.

– Ну, старик, уважение! – Герка похлопал меня по плечу

– Познакомишь со своей телкой, когда приедет? – это уже Макс.

«С телкой», какая мерзость, что я наделал! И как я теперь посмотрю ей в глаза?

Но вслух произнес:

– Да не вопрос!

Я долго потом не мог спать спокойно, все мучился угрызениями совести и переживал по поводу нашей встречи. Что будет, если она узнает? Она же разговаривать со мной после такого не захочет.

Я не знал тогда, что никакой встречи больше не будет и жизнь сама все решит за нас. Хотя нет... один раз нам все же суждено было увидеться, но об этом позже.

Первые полгода после аварии я провел в реанимации. Потом еще год в больнице. Потом, после тяжелой операции, связанной с трепанацией черепа, я оказался дома. Говорить я уже не мог, учиться в школе само собой тоже. Сначала ко мне приходили учителя и я пытался постигать премудрости школьного образования дома. Так, с грехом пополам, мы дотянули до восьмого класса, а потом мама махнула на мое учение рукой и перестала мучить меня и учителей.

Периодически я опять попадал в больницу, мама все не теряла надежды поставить меня на ноги. Но потом и она отступилась.

В восемнадцать лет мама устроила меня на работу в инвалидную артель, где такие же «изгои», как я, клеили картонные коробки. Там я практически ни с кем не общался, хотя к тому времени уже освоил язык глухонемых. Но в артели работали люди с другими недугами и все они, в отличие от меня, могли говорить. Несколько лет я клеил коробки и приносил в дом какую-то маленькую копейку. А потом случилась перестройка, лихие девяностые, в стране начался полный бардак и артель закрыли. Я опять засел дома. К тому же у меня начались проблемы со зрением (во время операции повредили глазной нерв), и работать я больше не мог.

Мои родители все чаще начали ссориться и в конце концов в их отношениях наступил полный разлад.

Хотя, о родителях надо рассказать подробнее...

Они очень красивая пара. И достойное подтверждение тому – моя младшая сестра – настоящая красавица. Она – их единственный совместный ребенок. Да, не удивляйтесь. Мамин муж – на самом деле мне не отец, хотя и воспитывает меня с трехмесячного возраста, поэтому я привык называть его папой. Не могу сказать, что испытываю к нему сыновнюю любовь, и, уж тем более, не берусь утверждать, что у него ко мне есть отцовские чувства, но, во всяком случае, он делал для меня все, что полагается, ну разве что душу не вкладывал. По крайней мере я всегда был сыт, обут и одет (причем даже в джинсы, как вы знаете).

Папа женился на маме, когда мне было три месяца. Не знаю, как уж у них так получилось, они об этом никогда не рассказывали, а я не спрашивал. Знаю только, что моя мама в молодости была очень интересной женщиной, к тому же всегда следила за собой и хорошо

одевалась. В те годы, когда идеалом женщины считалась неухоженная бабища – герой труда, держащая в заскорузлых руках серп или молот (или что там еще), мама со своей осиной талией, маникюром, красивой прической и каблуками была как бельмо на глазу для дворовых кумушек. Какие только сплетни про нее не распускали, какими эпитетами не награждали. А уж когда она родила «неизвестно от кого» – радости местных сплетниц вообще не стало предела. Поэтому, когда мама вышла замуж за летчика, причем работающего на международных авиалиниях, первое, что она сделала – поменяла квартиру. Так мы оказались в нашем доме, в котором живем до сих пор. Когда-то он считался престижным. Теперь, по сравнению с современными многоэтажными комплексами, наш дом выглядит более, чем скромно. Но это уже не важно. Родители въехали в этот дом, как молодая семья с ребенком. В этом доме, за год до той самой двухлетней зарубежной командировки, родилась моя сестра. Мама все мечтала, как отец заработает денег за границей и они купят машину, самую что ни на есть крутую по тем временам – «волгу». Отец тоже мечтал о «волге». Он работал штурманом на международных авиарейсах, хорошо зарабатывал и вообще был, что называется «красавцем – мужчиной»: высокий, стройный, широкоплечий. Короче они с мамой «офигенно» смотрелись вместе, чем вызывали зависть у ее менее удачливых подружек.

После той проклятой аварии, когда стало понятно, что я уже не поправлюсь и не стану нормальным человеком – для мамы началась черная полоса. Она, со своей красотой и желанием жить светской жизнью, оказалась запертой в четырех стенах с сыном – инвалидом. Она ни разу с тех пор не ездила в отпуск, потому что не могла оставить меня одного, к тому же почти все деньги уходили на мое лечение и на образование сестры. А вот отец... Отец продолжал летать и жить полноценной мужской жизнью. Периодически он перестал ночевать дома. Когда это случилось в первый раз, мама всю ночь металась по квартире, как тигрица, впервые оказавшаяся в клетке. Потом он вернулся и у них произошел первый крупный скандал. Я слышал, как они кричали за закрытыми дверями кухни. Вернее кричала в основном мама, отец больше отмалчивался. А мама разошлась не на шутку. Она обвиняла его в предательстве, черствости и равнодушии, в том, что он загубил ее жизнь и что именно он сделал ее сына инвалидом. Всю ночь я слышал за стенкой мамин крик, прерывающийся рыданиями. Отец иногда что-то басил, но его слов было не разобрать. Они, конечно, потом помирились и все вроде опять покатило по привычной колее. Но через какое-то время он снова не пришел домой. Потом еще раз. Мама поначалу все плакала и продолжала винить его во всех грехах. А потом перестала, смирилась что-ли? К тому же отец все чаще начал пить и тема измен сама собой отошла на второй план.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.